

ДИАЛОГ В НАУКЕ И В ОБЩЕСТВЕ

А.С. АХИЕЗЕР

**Монологизация и диалогизация управления
(Опыт российской истории)**

Выдающийся российский философ В. Библер, анализируя проблему диалога, не ограничился изучением внутреннего диалога, как это иногда полагают. Внутренний диалог личности неотделим у него от внешнего диалога людей друг с другом, от диалога, опосредованного человеческими отношениями. Формирование новых смыслов, инноваций культуры немыслимо без и вне общения субъектов между собой. Библер делает упор на труд и общение в малых группах, где господствует всеобщий труд, то есть на деятельность, включающую формирование своего культурного основания. Движение за гражданское общество по Библеру должно включать форум (диалог) общественных сил: крестьянских союзов, профсоюзов, кооперативных союзов, творческих объединений союзов интеллигенции, государственных сил, то есть, как я бы их назвал, сообществ-субъектов. "Здесь происходит, с одной стороны, ускоренная кристаллизация действительных особых социальных интересов, а с другой – выработка консенсуса, временных и более постоянных соглашений, общих предложений и т.п." [Библер, 1990, с. 358]. Должен развиваться "форум (или – диалог) гражданских программных клубов", разрабатывающих свои программы и инициативы. Как бы эти группы ни были малочисленны, они должны нести в себе необходимые ядра, всеобщие определения гражданского общества. Политические процессы, диалоги между политическими силами следует исследовать как результат творческого общения. Важно понять, что внешний диалог несводим к разговору, типу коммуникаций, но он есть определенная организационная форма, имманентная общественным отношениям, как в их статике, так и в динамике. Отсюда – задача изучения общества как процессов и развития институтов диалога и противостояния ему.

Попытка теоретически осмыслить управление, присущее большому обществу, всегда бьется между двумя крайностями. С одной стороны, в качестве субъекта управления рассматривается весь народ в полноте своих реализуемых способностей, потребностей. С другой стороны, субъекты управления – это специалисты (в значительной степени – дилетанты, но выполняющие функции специалистов), организованные в специализированные институты власти (часто несущие значительный груз синкретизма, лишь частично вычлененный), включая институт государства. В данной дуальной оппозиции управления скрыт определенный парадокс. Эта оппозиция субъекта стимулирует иллюзию, что реальное управление сводится к одному из полюсов, то есть либо к народу, как считают демократы, либералы, либо к государст-

ву, возможно, к его первому лицу, как полагают сторонники авторитаризма, тоталитаризма, сталинизма, державности. В обоих случаях реальное управление – якобы управление одного полюса, способного (обязанное по сути своей быть способным) вести за своими решениями другой полюс как чисто исполнительский. Однако возможно ли такое однополюсное управление?

Парадокс проблемы заключается в том, что, с одной стороны, однополюсное управление невозможно теоретически и практически, но с другой – исторический опыт России говорит о наличии постоянной тенденции к превращению управления в однополюсное. В чем тут дело и как это может быть? Двухполюсность управления – результат двойственности, двойной детерминации человеческой деятельности, мышления, культуры, точнее – одно из важнейших проявлений этой целостности. В данной ситуации деятельность, культура, общество, любое сообщество могут избежать разрушительного распада, возрастающей дезорганизации, возможно перерастающей в катастрофу, лишь при условии наличия в самой культуре противостоящего этому механизма. Его сердцевиной является диалог между соответствующими полюсами, прежде всего внутренний диалог, то есть превращение полюсов, отношений между ними в предмет освоения каждой личностью, в ее личную внутреннюю проблему. Но одновременно эта проблема становится содержанием внешнего диалога, то есть происходящего между организованными людьми, между институтами, где каждый полюс превращается в особый институт, и отношение между ними определяется дуальной оппозицией: взаимопроникновение – взаимоотталкивание. Впрочем, взаимопроникновение свидетельствует, что речь идет не столько о двух поляризованных институтах, сколько о двух сторонах одного института. Внешний и внутренний диалог находятся друг с другом в состоянии амбивалентности, непрерывно переходят друг в друга и не могут быть поняты друг без друга.

На какой же основе возникает тенденция к превращению диалога в управлении в монолог, который по своей сути не может предотвратить превращение двойственности в распад, но способен лишь утверждать в определенных пределах свою обособленность и одновременно общезначимость, впрочем, весьма относительную?

Монологизация управления в Киевской Руси

Двойственность управления в любом обществе неоднозначна, многоаспектна, иерархична. Важнейшей ее формой является поляризация – на местное управление и на возвышающийся над ним уровень, который часто расценивается как собственно государственный, как государственная власть. Каждый из этих полюсов в рамках данного анализа можно рассматривать как один, то есть абстрагироваться от его внутренних различий. Но вместе с тем эта – исходная – двойственность лишь начало конкретизации некоторой цепи двойственностей, образующейся через возникновение новых уровней управления.

Между тем люди в начале своего исторического пути не отделяли управление от ритуализированной до предела синкретической жизнедеятельности в целом. Она объединяла небольшие локальные кровнородственные коллективы. Родовой быт характеризуется двойственным управлением в масштабе сообщества. В каждом роде существовало народное собрание, вече, решавшее важнейшие вопросы. В нем участвовали лишь те, кто обладал для этого соответствующим статусом (обычно это были мужчины, прошедшие инициацию, способные участвовать в обсуждении). Это обсуждение было прозрачно, зримо и непосредственно. Другой полюс – первое лицо общности: глава рода, патриархальной семьи, староста, вождь, обладавшие значительной властью. Между этими полюсами существовал определенный ритуализированный диалог, ограниченный ценностями статичности, накладывающий на изменения средств, целей и т.п. жесткие ограничения. Функция диалога – постоянная интерпретация культуры в сфере ее функционирования с целью воспроизводства жизнедеятельности, выживаемости на основе воспроизводства интеграции обоих полюсов, социокультурной интег-

рации через внешний диалог, в рамках соответствующих институтов. Исходная двойственность – лишь начало некоторой цепи двойственностей через возникновение новых уровней, уровней племен, союза племен и даже союза союзов племен, что умножало цепи, иерархию этих двойственностей, усложняя и целое, и проблемы как внутреннего, так и внешнего диалога, и соответствующие институты.

Конкретное содержание двойственности управления меняется в истории, но сама двойственность никогда не исчезает. Вместе с тем усложнение любого общества, его управления приводит к многоплановости, многоаспектности двойственности, социокультурных конструкций. Любое древнее сообщество – сосредоточие многих диалогов как внутри вече, так и между вечем и первым лицом, а также с другими сообществами. Однако нацеленность архаичной культуры на воспроизводство сложившегося статичного идеала и соответствующих отношений как неизменных тяготело к *монологическому управлению*.

В первом приближении кажется вполне очевидным, что защита неизменности должна обеспечиваться жестким монологизмом управления, парализующим опасности инноваций, неизбежных в диалоге. Однако даже в архаичных сообществах есть определенная граница этой тенденции, нарушение которой представляет серьезную опасность. В принципе эффективность определяется не одним из полюсов управления, но *способностью общества постоянно искать меру компетенции между ними*, что всегда является открытой проблемой. Как правило, возможны обстоятельства, мешающие эту меру найти. Это прежде всего недостаточное осознание для существования сообщества жизненной важности накопления культурного потенциала для минимально необходимого решения проблемы, неблагоприятных условий для этих накоплений. В. Ключевский писал о "разбросанности" славян, переселившихся в пустынный лесистый край: "Жизнь удаленными друг от друга, уединенными деревнями при недостатке общения естественно не могла приучить великоросса действовать большими союзами, дружными массами. Великоросс боролся с природой в одиночку, в глуши леса с топором в руке. То была молчаливая работа над внешней природой, над лесом или диким полем, а не над собой и обществом, не над своими чувствами и отношениями к людям. Поэтому великоросс лучше работает один, когда на него никто не смотрит, и с трудом привыкает к дружным действиям общими силами" [Ключевский, 1956, с. 314].

При крайне низкой плотности расселения не формировались условия для интенсификации общения, для культурного обогащения личности, для формирования способностей совершенствовать управление, для эффективного объединения устойчивых сообществ в общих интересах, в конечном итоге – для превращения этих людей в субъектов государственного строительства. Это не способствовало развитию конструктивных форм общения, ответственности за непосредственные, отделенные от повседневности формы управления. Это обезоруживало людей перед угрозой монологизации (хотя одновременно и ослабляло данную угрозу способностью территориально от нее ускользнуть). Люди оказались не способны конструктивно защищать себя, свои локальные сообщества, собственный образ жизни от давления монологизации сверху. А такая угроза появилась.

К VIII в., еще до появления Киевской Руси возникли торговые города, которые вытянулись по главному торговому пути по линии Днепр–Волхов. Эта важная перемена могла, если обратиться к историческому опыту западных стран, послужить основой для возникновения государства, для развития соответствующей культуры. Правда, торговля рабами, мехом, медом, воском не стала достаточно мощным фактором, втягивающим племена, каждого человека в производство для рынка, стимулирующим возрастающую потребность в социокультурной интеграции. Однако города привлекли варягов, которые в конечном итоге основали единое княжество с центром в Киеве. Создание этого института государственного типа и является точкой отсчета государственности в стране.

Князь Олег, утвердившись в Киеве, предпринял покорение славян и финов, то есть развитие государственности встало на путь насильственного объединения племен. Эта власть по отношению к племенам носила вполне монологический характер, подчиняя или разрушая все сложившиеся ранее формы власти. Например, князь Владимир в конце X в. переселял людей в южнорусские города, уничтожал "древнюю племенную знать, интегрируя территории бывших племенных княжений в состав Русского государства" [Свердлов, 2003, с. 89].

Власть киевского князя, как и других князей, не была спонтанной почвенной, выросшей как "естественное" завершение вечевого управления, как постепенное насаждение его уровней, усложнение его дуальных форм. Завоеватели устанавливали свое управление в основном не столько развивая его посредством совершенствования диалогических форм, сколько пытались решать проблемы монологическим разрушением уже сложившейся иерархии вечевых институтов. Здесь важную роль сыграло разрушение такого уровня иерархии догосударственного управления, как племя, что означало потерю исторических форм защиты людей от внешнего для них государственного насилия, исчезновение важной основы для дальнейшего почвенного развития государственности.

Это означало, что с самого начала в институтах государственного типа появилась трещина, противоречие, раскол между народом и властью, между низшим локальным уровнем управления и управлением государственного типа. Высшая власть пыталась удерживать завоеванную громадную территорию в "своем подчинении военной силой, подавляя попытки сопротивления подданных и стараясь организовать управление покоренными землями" [Пушкарев, 2002, с. 47]. Примерно через три поколения варяги были замещены местными людьми, что в принципе, казалось бы, могло преодолеть раскол, усилить гармонизацию. Однако реально этот поворот не наблюдается. Влияние варягов на общественный строй, на повседневность на низовом уровне не могло быть значительным, но этого никак нельзя сказать о созданном ими институте государственного типа, о сложности и масштабах его функций. Смена господствующего этноса или этносов не означала смены организации управления, его уровней. Причина заключалась в том, что славянский этнос не успел до появления варягов выработать свои функциональные программы формирования системы управления, способные решать проблемы соответствующего масштаба, уровня сложности, не было конкурентного проекта достаточно продвинутого формирования государственности, хотя движение в этом направлении имело место, например, в форме эпизодического союза союзов племен и т.д.

Формирование власти варягов не продолжило ранее шедший процесс усложнения догосударственного управления. Правители ставили своей целью прежде всего монологическое укрепление административной власти князей, соответствующего аппарата. Это давление "сверху" очевидно близко соответствовало уровню развития рядового человека "снизу", не ощущавшего потребность брать на себя ответственность за целое. Сложившиеся до государства формы управления замыкались на себя, на свой ограниченный локальный мир, противостояли развитию квалифицированной ответственности низших уровней за высшие, противостояли диалогу между ними. Формирование новой государственности ложилось на почву мощного традиционализма, идущего из догосударственных структур.

Система власти в стране в то время представляла собой вид "неустойчивого равновесия" между двумя элементами государственной власти: монархическим, в лице князя, и демократическим, в лице народного собрания или *веча* старших волостных городов [Пушкарев, 2002, с. 70]. Разумеется, между ними было определенное разделение функций управленческого труда, о чем много писали историки. Однако в свете рассматриваемой здесь проблемы важен иной аспект.

Опыт динамики отношения уровней управления в мировой истории отчетливо показывает, что между ними идет то усиливающаяся, то ослабевающая борьба за расширение сферы компетенции каждого за счет функций другого вплоть до попытки

полностью его разрушить, раздавить. Управление низшего уровня эпизодически пыталось включить в сферу своего влияния вышележащие уровни, заместить их своими функциями.

По сути, шла борьба двух исторически сложившихся тенденций между *диалогизацией управления*, то есть попытками вечевых институтов оказывать давление на князей, вести с ними диалог на основе своих сложившихся ценностей, и *монологизацией управления*, на которое пытались опереться высшие уровни, абсолютизирующие свои решения. Вечевые институты могли давить на высшие уровни управления прежде всего приглашая или изгоняя князей. В этой деятельности, однако, трудно проследить постоянное качественное развитие способностей вечевых институтов к воссозданию многоуровневого управления государственного типа. Можно говорить лишь об эпизодических попытках прорыва и о последующих отступлениях. Вечевой институт, соответствующий уровень управления, скорее приспособлялся к конфронтации уровней расколотого управления, чем был способен преодолеть предпосылки раскола, формировать свою версию государства.

Определенный потенциал вечевого развития можно видеть в распространении вечевого института на большие города, прежде всего Новгород, Псков. Теоретически можно представить, что на этой основе могла возникать государственность, цивилизация городского западного типа. Подобное мнение уже высказывалось. Однако исторический опыт свидетельствовал об обратном. Вечевые институты больших городов качественно отличались от вече маленьких сообществ. Увеличение масштабов, сложности сообществ приводило к необходимости формирования и решения больших и сложных проблем. Однако рост масштабов вече приводил к потере людьми непосредственного эмоционального контакта, присущего догосударственным архаичным сообществам. Это снижало уровень эффективности функционирования управления. Чем больше город, тем сложнее функции вече, тем в большей степени выявлялось их вырождение. Выход мог быть лишь один – формирование интеллектуальной основы для качественно нового уровня управления. Вечевые институты больших городов не сумели перейти этот барьер.

Войны, которые власть вела с племенами, означали насильственное внедрение моноλογической власти. Это не привело к полному подавлению вечевых институтов, но нанесло удар потенциалу их развития, развитию почвенной государственности. Наступление монологизации княжеской власти могло сдерживаться окружением князя, которое лишилось своих прав, идущих еще от роли дружин при князе (например, попытка Андрея Боголюбского установить авторитарную власть закончилась его убийством приближенными). Но главное заключалось в том, что попытки тех, кого можно условно назвать аристократией, расширить круг людей высшей власти, не опирались на массовую поддержку, в конечном итоге это обрекало их на неудачу, а страну на монологизацию власти.

Положение усложнялось тем, что на этом этапе сложилась двойная сакральность, стороны которой противостояли друг другу. С одной стороны, это была старая языческая сакральность, тяготеющая к замыканию в локальных мирах, с другой – христианская сакральность с желанием сменить архаику европейским просвещением, верой в науку [Ахиезер, 2003]. Эта двойственность была дополнительным вкладом в социокультурный раскол.

Катастрофа, постигшая Киевскую Русь, должна привлечь наше внимание тем, что она была первой, но не единственной в истории страны. И сегодня нельзя обойти вопрос: не были ли заложены еще в древности какие-то факторы, наследование которых в последующих веках сыграло важную негативную роль? Гибель Киевской Руси непосредственно стала результатом внутренних раздоров, недостаточной способности культурного и организационного объединения на основе сложившегося в то время явно недостаточного развития массовой способности формирования институционального государственного единства всех уровней местного и государственного управления, слабостью общего диалога, нацеленного на интеграцию на основе диалогического взаи-

мопроникновения. В обществе формировались люди, склонные соглашаться с моноло- гизацией управления, субъектом которой была в Киевском государстве власть князя.

В литературе, которая сама подчас находится во власти монологической мифоло- гии, гибель Киевской Руси трактуется как недостаточность монологизации власти киевского князя, который поэтому не мог прекратить усобицы. При этом, однако, забывается, что реальной силой реальной интеграции является недоведение монопо- лизации одной точки власти до максимума (такая ситуация как раз и становится предпосылкой последующей неизбежной катастрофической дезинтеграции). Причи- ну слабости монологической власти следует искать в другой плоскости, *в недоста- точной для относительно сложного общества развития массовой способности людей на нижних уровнях управления, в локальных мирах, в мирах среднего уровня формировать согласие на интеграцию целого как постоянную проблему, совмест- но решаемую через внутренний и внешний диалог.*

Сама эта интеграция целого возможна как формирование института диалога в со- ответствующем масштабе. Разумеется, история сложна. Она не исключает попят- ных движений, компромиссов, неустойчивой эклектики исключających друг друга тенденций. Но тоска по абсолютизации монолога государства, опрокинутая в про- шлое, сама оказывается важным симптомом перекоса в культуре, отказа от понима- ния дуальной природы любой власти. Историки не могут игнорировать тот факт, что слабость института власти Киевской Руси была результатом не недостаточной монологизации, но недостаточной ее диалогизации, что, во-первых, позволяло влас- ти развлекаться разорительными междоусобицами, и во-вторых, мешало объеди- няться вокруг общих проблем, смысл которых оставался для этих людей неясным. Поэтому высшая власть была не только слаба, но и не отделяла общее дело страны от своих групповых, личных проблем. И сегодня наша озабоченность древностью должна быть прежде всего направлена на то, как бы нам сегодня не почерпнуть из истории именно те традиции, которые угрожают выживаемости, жизнеспособности, способности в каждой точке принимать эффективные решения.

Двойственность управления в Московском государстве и в Российской империи

В результате внутреннего банкротства Киевской Руси географический центр ор- ганизованной жизни, тяготеющей к государственности, перемещался на северо-вос- ток. Здесь складывалась новая Русь. Какую культуру несли эти люди? Какие сдвиги произошли в дуальной оппозиции "диалогизм–монологизм" в результате предостав- ленного историей шанса как бы начать все с начала? Эти люди оказались намного дальше от городской культуры, ближе к сельской, к архаичной догосударственной жизни, ближе к признанию монологической власти князей на основе слабой способ- ности локальных вечевых институтов культурно и организационно ограничивать власть князей, а затем и царя.

Превращение страны в "русский улус" хана восточных кочевников в результате вторжения хана Батыя в XIII в. привело к существенному усилению власти князей над народом, над вечем. Завоеватели усилили в стране дух монологизма. Городские вечевые институты на северо-востоке Руси приходили к упадку, а затем и к оконча- тельному исчезновению.

Это, однако, не уничтожало вече в сельской местности, так как власть князя была не в состоянии своей администрацией заместить местную вечевую власть в каждой деревне. Местная администрация, подчиненная центру, касалась ограниченных сфер деятельности. Она распространялась главным образом на судебную практику, а так- же на сбор налогов, оброков и на таможенную службу [Каштанов, 2000, с. 287]. Это свидетельствовало об ахиллесовой пяте возникающих институтов государственного ти- па, отделенных социокультурным расколом от нижнего уровня управления, от "зем- ли", где шла своя жизнь. Традиционная старинная местная власть сохранилась, хотя

ее возможности стать основой института государственности не находили реализации в условиях высокого уровня монологизации.

Тем не менее вечевая культура и соответствующие формы принятия решений не могли не проникать на высшие уровни управления. Однако они при этом деформировались, адаптировались к монолизму, превращаясь из центров диалога в центры *сговора* заинтересованных лиц, кланов, причастных к власти, например в совещание царя с группой бояр, в возможность изменения состава этой группы при изменении содержания проблем и т.д. В подборе участников сговора отсутствовали признаки устойчивой правовой основы, но обнаруживалась деформация почвенного вечевого начала утилитаризмом. Подобные формы деформированного диалога, попытки их институционализации, однако, не отвечали целям воспроизводства большого общества, создавая очаги дезорганизации.

После изгнания восточных завоевателей для государства возникла необходимость приспособления к новым условиям. Серьезная опасность таилась в том, что эта задача должна была решаться на исторически сложившейся монологической основе. В этой ситуации Иван IV пытался довести монологизацию своей власти до предела, подавить первозданные элементы вечевого типа, включая и те, которые в деформированной форме уже составляли элемент государственного аппарата. Он пытался пренебречь обычаями, предлагающими ему действовать "по старине". Определенные группы при дворе по традиции рассчитывали на свое влияние, на какую-то форму участия в принятии государственных решений. Фактически это означало: террор обернулся против института государства, что приводило к его разрушению. Это в конечном итоге означало саморазрушение монолизма, дошедшего до абсурда дезорганизации государственного управления. Причем царь в своей разрушительной деятельности опирался на массовую поддержку населения, враждебного государству, но преклоняющегося перед сакральным царем. Массовое вечевое начало в новых, более сложных условиях большого общества приняло извращенный характер. Даже земские соборы лишь выражали свое мнение, оставляя решение произволу царя. Во всем этом, однако, уже таились элементы смуты. Массовое преклонение перед царем, который разрушал государство при общей враждебности, в лучшем случае равнодушии к нему, по сути, уже означало, что силы смуты выходили на исходные рубежи массовой атаки.

На разрушение государства, на разорение, обрушившиеся на страну, массы ответили великой Смутой, бедствия и зверства которой не поддаются описанию. Исчезла треть населения страны. Задавленное вечевое начало неожиданно вышло из всех щелей в форме хаоса и поглотило и общество, и государство. Это важнейшее событие русской истории показало, что массовое вечевое начало скрыто накапливало способность ответа на монополизацию, на деформацию массовым внутренним эмоциональным напряжением, готовым переступить взрывоопасный рубеж, привести к состоянию национальной катастрофы.

Последующее саморазрушение Смуты привело, однако, к массовому инверсионному, то есть скачкообразному осознанию необходимости государства. Результат этой попытки оказался чрезвычайно интересным. Смута в стране, где исчезла государственность, превратилась в свою противоположность. На местах начали складываться силы, способные сформировать государство. "В городах работали местные советы из представителей всех слоев населения" [Пушкарев, 2002, с. 194]. В течение четырех месяцев 1612 г. "Россия стала как бы республикой" [Пушкарев, б.г., с. 15]. В города были посланы люди для выявления мнения о кандидатуре нового царя. Громадную роль при этом сыграла местная власть. "Органы местного самоуправления в центральных и северных областях – посадские... и волостные... миры – сослужили великую службу русскому народу и государству" [Пушкарев, б.г., с. 13]. Земский собор 1613 г. был создан не по инициативе монологической власти, как это делалось обычно, но по инициативе "снизу" от воспрянувшей вечевой культуры, которая простерла свои ценности в том виде, как они сложились к тому времени, до самых вер-

шин власти. Собор избрал царя от "всей земли" и сформулировал принцип управления, который требовал участия всех групп, кроме крепостных, в диалоге вечевого типа, то есть жестко ограниченного. В основе, однако, лежала идея всеобщего согласия, оттесняющая монолог.

Возможно, этот Земский собор был самым значительным событием в истории России. Новое государство впервые в масштабе целого предусматривало отказ от абсолютизации как низшего, так и высшего уровня управления, реализовало идею организации достижения всеобщего согласия. В основу был положен диалог, хотя и в его ограниченном вечевом смысле. Но тем самым открывалась возможность его дальнейшего углубления, совершенствования. Это, без сомнения, была попытка качественного поворота в истории страны.

Однако для сохранения, развития этого порядка необходима массовая способность разрешать постоянно возникающие конфликты, которых в XVII в., названном "бунташным", было предостаточно. И высшая власть, и миллионы людей не сумели развить культуру диалога, соответствующую масштабу, сложности проблем. Вновь со стороны высшей власти делались попытки решать проблемы через насилие монологизации, тогда как низы пытались вновь обращаться к Смуте. Это в конечном итоге толкало общество к согласию на возврат к господству монологизации, где обе стороны выступали как две (а следовательно, переходящие в разрастающееся множество) взаиморазрушительные силы. Массовое согласие на монологизацию выражалось, например, в просьбах к власти вернуть на места воевод, вместо избранныхов населения. Волостные суды также подчинялись воеводам. Возрастала власть помещиков над крестьянами. Историк пишет, что "вторая половина XVII в. является временем упадка земского начала и растущей бюрократизации и в центральном, и в местном управлении Московского государства" [Пушкарев, 2002, с. 236]. Весь век характеризовался вспышками смуты вплоть до кратковременного захвата стрельцами власти, которую они использовали для того, чтобы решать, кому из бояр жить, а кому быть убитым.

Усталость от смуты, однако, оказала на страну парализующее влияние. Царствование Петра I ознаменовало наступление авторитаризма в его крайних формах. Политика монологизации в период империи несла в себе веру в способность власти лепить из общества все, что угодно. Эта вера была обратной стороной слабой веры народа в собственную способность к государственному творчеству. На этом было основано убеждение власти в безграничной возможности реформировать общество собственными силами. Но монологизация имела дорогую цену. Сами попытки реформ Петра I тонули в общей дезорганизации, массовом равнодушии к замыслам реформ, неприятию народом их ценностей.

Подавление вечевого начала блокировало творческий потенциал общества, привело страну к деградации. Власть постепенно, хотя и в крайне ограниченной форме, осознавала смутную угрозу, таящуюся там, где бушевали сельские сходы, эти субъекты древнего веча. Угроза заключалась не только в опасности очередной смуты, но и в отставании массового творческого потенциала от растущих потребностей общества. Попытки реформ, которые какая-то часть высшей власти пыталась проводить, не были удачными, так как ее инструментом почти всегда было монологизированное управление, несущее потенциал насилия, подавления потенциала творчества. Они вызывали у вечевых сил скрытое недовольство, смысл которого образованное общество (точнее – полуобразованное) всегда толковало весьма превратно, главным образом обвиняя высшую власть в недостаточной их радикальности. Между тем в мировой истории не было на тот момент более радикальных реформ, чем проводимых Александром II.

Постепенно в верхах созревало сознание необходимости диалога по крайней мере с наиболее продвинутыми группами населения. Особенно интересны в этой связи попытки Екатерины II, которая была зачинательницей либерализма в России. Его специфика заключалась в необычной для других реформаторов самокритике, уходе

от собственных радикальных замыслов к ограниченным, но реализуемым проектам. Попытки Екатерины II показали эффективность ограниченных шагов, что создало образец взвешенных решений. Освобождению крестьян Александром II не предшествовал диалог власти и крестьян, что объяснялось полнейшим разрывом, ценностным расколом между ними. Крестьяне хотели освободиться не только от помещиков, но и от государства, чиновников, от всех видов повинностей. Они признавали лишь власть царя и своего локального мира. Поэтому реформы, сохранявшие государство, и обязательства перед ним чиновников казались людям сплошным обменом. Фактически эта расколотая реальность не оставляла власти выбора и требовала создания социокультурных предпосылок преодоления раскола. Но в условиях господства инверсионного мышления было трудно пробиться к осознанию сути этого явления, сделать эффективные практические выводы. Хотя в XIX в. проблема раскола обсуждалась.

Власть пыталась ликвидировать рабство, усилить значимость права, но опиралась на монологизацию, а это усиливало общую дезорганизацию. Элементы диалога развивались, но не охватывали основную массу населения, не приводили к обсуждению определяющих механизмов общественных процессов, но концентрировались вокруг взаимных обвинений, поверхностных и уводящих от реальных проблем, провоцирующих новый виток смуты, массового насилия. Диалог часто превращался в архаичный сход, митинг, служащий психологической тренировкой для освоения новых явлений на основе архаичной культуры, что само составляло важный элемент смуты.

Управление на советском этапе

В этой опасной и сложнейшей ситуации экстремистские группы революционеров, фактически выступавшие как передовой отряд смуты разных оттенков, как ее потенциальная руководящая и направляющая сила, вырабатывали, опираясь на обрывки западной, превратно понятой науки, свои концепции. Они отрицали многоуровневый характер управления большого общества, пытались теоретически редуцировать общество к одному уровню; все уровни, кроме нижнего, рассматривали как носителей мирового зла, паразитизма, сосредоточия всех пороков человечества. На этой основе провозглашалась идея социализма как множества крестьянских общин, то есть некоторого утопического горизонтального общества "низшего класса" (Э. Орлова). Это была чистая архаика, попытка обосновать однополюсное управление в обществе, где абсолютизировался полюс локального мира. Нельзя не отметить, что наиболее упорно эта попытка реализовать идеал однополюсного управления, идеал общества "низшего класса", осуществлялась "зелеными" во время гражданской войны начала XX в., бандами (да и то, если игнорировать их внутреннюю иерархию). В тех случаях, когда революционеры допускали возможность государства, то есть существование и другого полюса, он рассматривался как временное средство установления социализма, как возможность позитивного сакрального начала, замещающего в крестьянском мифе место злодея царя, отвергнутого в конечном итоге, так как он "перестал всех равнять". Одно время самой популярной у большевиков была идея "отмирания государства". В российских условиях это была неуклюжая попытка скрыть несоответствие реальной монологической государственности господствующей архаичности крестьянского мира. Разумеется, на место государства, его высшего уровня претендовали сами революционеры, ибо считали себя владельцами некоторого особого, по сути сакрального знания, носителями высшей нравственности. По сути, это были разные варианты перевода на псевдонаучный язык крестьянских догосударственных утопий, псевдонаучного обоснования смуты, ее антигосударственных потенций.

Большевики, наиболее удачно имитирующие вечевые мифы, были выброшены смутой к вершине власти [Ахиезер... 2002]. Следуя вечевым импульсам, они пытались восстановить власть веча, получившей название "власти советов". Была сделана утопическая попытка установления непосредственного народовластия, попытка

отождествить активность власти и народа, которую можно рассматривать как форму псевдосинкретизма в большом обществе, где тем не менее доминировали синкретические ценности. Власть советов оказывалась в масштабе страны властью смуты, дезорганизации. Ущербность такого решения определялась тем, что локальная вечевая власть, поднятая причудами истории до масштабов государства, оказалась абсолютно нефункциональной, что и привело к инверсионному восстановлению авторитаризма, монологической власти партийного аппарата. Можно сказать, что в ответ на саму попытку установления однополюсного управления сохранившаяся в культуре реальная двухполюсность, а следовательно, и многополюсность, восстановилась буквально автоматически.

Эта власть противопоставила неуправляемости общества, скрытой и явной смуте массовый террор. Но тем самым разрушались сами основы общества, истреблялись силы, способные искать выход из исторического тупика, в который попало общество, потерявшее всякое подобие функциональной меры управления.

Власть советов была однородна с властью, которую пытались установить вечевые силы в 1613 г., по крайней мере в одном важном пункте: это была вечевая попытка сконструировать государственность, опиравшаяся на опыт предшествующей государственности, имитировавшая ее иерархию, хотя ценностно она и противостояла ей. В обоих случаях для нормального функционирования государства не хватило соответствующего потенциала вечевого управления, точнее – ее способности преодолеть ограниченные рамки, необходимости выхода на уровень освоения качественно более сложных проблем, более сложной реальности.

Однако выявилось и различие первостепенной важности. В первом случае речь шла о традиционной государственности, опирающейся на статичные ценности, хотя и догосударственного типа. Во втором – страна, хотя и медленно, но вступила на путь развития умеренного утилитаризма, с элементами утилитаризма развитого, то есть на путь достижительных ценностей [Яркова, 2001]. Вся история большевизма с 1917 по 1991 г. свидетельствовала о попытках отступления власти шаг за шагом от своего максимального приближения к архаике времен лозунга "Вся власть Советам!", ибо она инстинктивно ощущала необходимость согласия на развитие. В конечном итоге это привело к потере культурного основания власти, основания интеграции общества, хотя и в идеологической форме, привело в 1991 г. к новой национальной катастрофе, к краху государства, распаду общества в кратчайший срок по сравнению со временем вызревания прошлых российских имманентных катастроф.

* * *

Смысл новой постсоветской государственности заключается в попытке культурно и организационно воплотить идею общего диалога, продолжить начавшийся раньше процесс ограничения монологизации управления. В отличие от подобной попытки февраля 1917 г. это происходит в условиях упадка, дезорганизации вечевого идеала, подрыва влияния сил, ищущих выход в экстремистских решениях во всех вариантах, от общего краха монологического типа управления, признания его нефункциональности. Реализация этой открывшейся исторической возможности заполнить образовавшийся вакуум не может исчерпываться средствами административных решений, но требует диалогизации культуры, психики, форм общения человека. Изменения должны затронуть глубокие, скрытые механизмы личности. Смысл постсоветского общества, по крайней мере в первом приближении, раскрывается в попытке культурно и организационно воплотить идею демократического диалога, диалогизации общества не только как средства решения всех более сложных проблем, но и как сущности изменения общества. Бесконечная в мировой истории вереница погибших народов, цивилизаций – свидетельство неумолимой опасности недостаточной способности изменяться под давлением усложнения. Это результат недостаточности воли к участию в мировой истории.

Преодоление этой ограниченности возможно лишь на основе развития форм культуры, ориентированных на диалог, то есть на утилитарную и либерально-модернистскую культуру. Специфика современного этапа связана с возрождением, развитием либерального движения в стране, которое подчас поддается влиянию архаики, монологизму, но тем не менее несет в себе потенциал мирового опыта формирования государственности на основе диалогизации культуры, развития соответствующих организационных форм, отношений, постепенного оттеснения монологизации. Сами утилитарная и либеральная культуры, как, впрочем, и все другие, нуждаются в самокритике.

Существенно изменилось то, что можно условно отнести к народной почве, которая как будто должна лежать в основе местного управления и одновременно стимулировать развитие всей системы управления. Раньше народную почву отождествляли с крестьянством, затем возникла идея возрастания значимости рабочих, что было симптомом смещения почвы в город. Приобщение к городской культуре, по крайней мере в тенденции, говорит о росте интеллектуализации, которая в перспективе становится важным фактором осознания необходимости возрастания массового активного отношения к негативным, опасным процессам, приобретшим устойчивый характер в российской истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахиезер А.С.* Как мыслить в усложняющемся и опасном мире? // Отечественные записки. 2003. № 3.
- Ахиезер А.С., Давыдов А.П., Шуровский М.А., Яковенко И.Г., Яркова Е.Н.* Социокультурное основание и смысл большевизма. Новосибирск, 2002.
- Библер В.* О гражданском обществе и общественном договоре // Через тернии. М., 1990.
- Каиштанов С.М.* Местное управление и феодальное земледелие в России XIV века // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000.
- Ключевский В.О.* Сочинения. В 8 т. Т. 1. М., 1956.
- Пушкарев С.Г.* Обзор русской истории. СПб., 2002.
- Пушкарев С.* Самоуправление и свобода в России. Б.м., б.г.
- Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь. СПб., 2003.
- Яркова Е.Н.* Утилитаризм как тип культуры: концептуальные параметры и специфика России. Новосибирск, 2001.